

**Нет автора**

**Русская старина**

**1878. Том 23**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 304  
ББК 60.5  
Н57

Н57 **Нет автора**  
Русская старина: 1878. Том 23 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 842 с.

**ISBN 978-5-458-02774-8**

**ISBN 978-5-458-02774-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.





КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ,

ОБЕРЪ-КАМЕРГЕРЪ И СВ. АНДРЕЯ КАВ., РОД. 1708 Г., РАЗНЕНЪ 26 ОКТ. 1739 П.

ПРИЛОЖЕНЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» ИЗД. 1878 Г.

ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДОВЪ. СЕН. 27 МАРТА 1878 Г.

ОБЪЕМЪ ЗАГОТОВЛЕНА СОСЪДРЪЖИТЕЛЬНОМУЪ БРНАТУ.

# ПОХОЖДЕНІЯ ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ИВАНА МИГРИНА

ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАКА.

1770—1850 гг.<sup>1)</sup>.

## I.

Я родился Полтавской губерніи Золотоношскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Ирклѣвѣ, 1770 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ домѣ дѣда моего, поручика Василя Мигрина. Отецъ мой былъ поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, мать Анна Дмитриевна, урожденная Фурмей. Вскорѣ послѣ рожденія моего, родители мои переселились, того же уѣзда, въ казенное селеніе Васютинцы, гдѣ достался отцу моему, по женѣ, хуторъ съ мельницею и садомъ; къ этому хутору отецъ мой прикупилъ земли, а въ послѣдствіи приписались къ нему изъ вольныхъ крестьянъ душъ двадцать, и такимъ образомъ жилъ безъ нужды. Въ Васютинцахъ, при родителяхъ прожилъ я до 15-ти лѣтъ, гдѣ обучился и грамотѣ при помощи приходскаго дьячка. Потомъ поступилъ партикулярно въ золотоношскій земскій судъ, гдѣ научился писать; а чрезъ нѣсколько лѣтъ опредѣленъ уже былъ въ тамошній земскій судъ и исправлялъ должность секретаря.

Всѣ родные мои, упомянутый дѣдъ Василій и бабка, дѣти его, а мои дяди, и братья матери моей, тоже дяди мои, любили и ласкали меня; особенно же любилъ и благодѣтельствовалъ мнѣ дядя по отцу—поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, который благодѣтельствовалъ и родителямъ моимъ; онъ былъ добрый и умный человекъ. Послѣ него остались и находятся нынѣ въ живыхъ дѣти его: поручикъ Николай и бывшій учителемъ Пантелеймонъ.

<sup>1)</sup> Писано, какъ видно изъ помѣты, въ 1850 году.

Во время служенія моего въ земскомъ судѣ, проѣзжалъ чрезъ Золотоношу знакомый мнѣ лекарь Евтушевскій, имѣвшій въ Золотоношскомъ уѣздѣ небольшое имѣніе и опредѣленный въ армію, въ Молдавію расположенную. Съ Евтушевскимъ сблизилъ меня слѣдующій случай: онъ поссорился съ казенными крестьянами и за буйство былъ представленъ ими въ земскій судъ, связаннымъ; онъ просилъ помощи и защиты моей, и я, по званію секретаря, имѣя вліяніе на дѣла по суду, освободилъ его отъ всѣхъ хлопотъ и неприятностей. Съ этого времени возродилась между нами особенная пріязнь, и какъ онъ вскорости долженъ былъ отправиться въ армію къ своей должности, то началъ уговаривать меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, обнадеживая опредѣлить меня въ полкъ, гдѣ, прослуживши годъ, могу получить чинъ прапорщика и возвратиться домой военнымъ офицеромъ. Я представлялъ ему, что родители мои не согласятся отпустить меня, что родные мои всѣ любятъ меня, и я, по молодымъ лѣтамъ моимъ, занимаю уже хорошую должность; онъ не переставалъ убѣждать меня, говоря, что если родители не согласятся отпустить меня, то можно ѣхать не сказавши имъ, а послѣ, по пріѣздѣ на мѣсто, извѣстить о себѣ. Пылкость молодости и убѣжденія Евтушевскаго склонили наконецъ меня послѣдовать его совѣту, и я, не сказавши никому и не взявъ даже увольненія отъ должности, — отправился тайнымъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ, весною, а какого именно года — того не помню.

Начальство и сослуживцы мои, не подозрѣвая ничего, были въ недоумѣніи: какъ и куда пропалъ безъ вѣсти секретарь! Родители мои, и особенно бѣдная мать, горько оплакивали меня. И теперь (1850 г.) жалѣю я, что причинилъ много скорби родителямъ моимъ необдуманнымъ поступкомъ.

О неизвѣстной отлучкѣ моей отъ должности, по прошествіи нѣкотораго времени, земскій судъ дѣлалъ публикацію; но какъ на рукахъ у меня не было ни казенной суммы, ни дѣлъ, и все было въ порядкѣ, то я и оставался спокойнымъ.

У меня былъ видъ на званіе значковаго товарища войска малороссійскаго, выданный мнѣ прежде еще отъ полковника Зенченко, и съ нимъ я отправился.

Евтушевскій отправился на своихъ лошадяхъ; мы заѣхали къ моему дѣду, переночевали у него; я сказалъ, что отправляюсь въ уѣздъ по дѣламъ суда, и не открылъ о своемъ намѣреніи. Отсюда отправились мы въ Брюковъ-посадъ, близъ Бременчуга, гдѣ была комисаріатская коммисія, изъ коей лекарь долженъ былъ получить прогоны до мѣста расположенія полка, въ который былъ опредѣленъ. Здѣсь прожили мы недѣли двѣ въ ожиданіи прогонныхъ денегъ.

Евтушевскій представлялъ свои бумаги, въ комисіи представляли ему разныя затрудненія въ полученіи денегъ; это сконфузило его, онъ былъ человекъ весьма робкій и несмѣлый, такъ что я, назвавшись его именемъ, ходатайствовалъ вмѣсто него и получилъ уже деньги.

Получивши деньги изъ комисіи, отправились мы въ Молдавію, гдѣ квартировалъ нѣкотрый полкъ, въ который опредѣленъ былъ Евтушевскій,—въ крѣпость Бендеры, а оттуда въ деревню Васлуй. Оказалось, что въ тотъ полкъ, въ который назначенъ былъ Евтушевскій, опредѣленъ уже другой леваръ, и онъ остался за пятакомъ. Тутъ прожили мы дней десять; денегъ ни у Евтушевскаго, ни у меня нисколько не было; въ дорогу взято было въ запасъ два круга сала и сухари: этимъ продовольствовались мы и человекъ Евтушевскаго, въ пути и на мѣстѣ; наконецъ, запасы были съѣдены, мы находились въ самомъ затруднительномъ положеніи: и Евтушевскій выговаривалъ мнѣ, что я поѣлъ его запасы.

Въ Бендерахъ встрѣтилъ я земляка моего Невѣровскаго—отецъ его служилъ городничимъ въ Золотоношѣ. Онъ служилъ въ какомъ-то нѣкотномъ полку поручикомъ; увидясь со мною, Невѣровскій приглашалъ меня поступить въ тотъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ; но мнѣ хотѣлось поступить въ кавалерію и потому я отказался отъ его предложенія. Въ послѣдствіи Невѣровскій былъ генералъ-лейтенантомъ, известнымъ по своей храбрости.

Изъ Васлуй посоветовали Евтушевскому отправиться въ главную квартиру арміи—въ Яссы, гдѣ должны дать ему новое назначеніе. Мы отправились въ Яссы, но главная квартира вѣхала въ мѣстечко Галацъ, при Дунаѣ. Мы поѣхали туда.

Въ Галацѣ указали мнѣ на дежуръ-майора Панкратьева (отца корпуснаго командира, генерала Панкратьева, дѣйствовавшаго въ Венгріи въ 1849 году). Я явился къ нему, объявилъ о желаніи моемъ вступить въ службу; онъ, разспросивши о званіи моемъ, сказалъ, что напишетъ рекомендательное письмо къ пріятелю своему, донскому полковнику Кульбакову, и написавши письмо, отдалъ мнѣ. Между тѣмъ поразспросивши о казачьей службѣ, я узналъ, что всякій казакъ долженъ имѣть собственную лошадь и оружіе, а я не въ состояніи былъ имѣть этого.

Положеніе мое было самое тяжелое и, можно сказать, отчаянное. Вдали отъ родины, безъ всякаго знакомства, безъ денегъ и даже безъ хлѣба, я не зналъ куда и къ кому обратиться. Въ мрачномъ расположеніи духа и иногда съ тощимъ желудкомъ, бродилъ я по улицамъ Галаца, раздумывая о своемъ горестномъ положеніи. Жалѣлъ о необдуманномъ поступкѣ своемъ. Будучи окруженъ любовью род-

никъ и сторонникъ, которые знали меня, не имѣя ни въ чемъ недостатка,—я добровольно бросился въ неизвестность и нищету; благодаріе заставляло меня возвратиться домой; но ложный стыдъ удерживалъ: съ чѣмъ явлюсь я и какъ будутъ смотрѣть на меня прежніе товарищи мои? Видно, такъ судьбѣ было угодно! Положившись во всемъ на Бога, я безъ всякаго плана и намѣренія ожидалъ, что будетъ со мною.

Денегъ ни у Евтушевскаго, ни у меня, какъ сказано уже, не было; наконецъ, не стало совершенно и хлѣба. Я отправился на рынокъ; входилъ въ нѣсколько лавокъ хлѣбниковъ-молдаванъ; торгую хлѣбъ, но за него требуютъ деньги, а гдѣ ихъ взять? Иду по фруктовому ряду; фруктовъ множество и дешево,—но все-же надобны деньги! Я поднялся на хитрость: у каждой изъ торговекъ бралъ будто на пробу нѣсколько ягодъ; такимъ образомъ, пройдя весь рядъ и ничего не купивши, я утолил нѣсколько своей голодъ. На другой день маневръ этотъ также удался мнѣ; но, на третій, меня уже замѣтили, что я люблю лакомиться даромъ, и не подпускали уже къ фруктамъ.

Къ счастью моему, разъ прѣвзжала чрезъ рынокъ коляска; одна торговка съ булками, поспѣвая перейти съ лоткомъ чрезъ дорогу, опрокинула лотокъ и, пока она подбирала булки,—я подѣпнулъ двѣ булки, спряталъ ихъ подъ полу, да и былъ таковъ! Какая роскошь была тогда для меня!—Что дѣлать: нужда многое извиняетъ!

Въ такомъ безнадежномъ положеніи проходя разъ, днемъ, по берегу Дуная, я замѣтилъ, что къ нему подѣвжала лодка съ черноморскими казаками. Я остановился и безъ всякихъ мыслей поджидалъ пока лодка пристанетъ къ берегу. Лодка пристала; изъ нея вышелъ офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ на груди; это былъ полковникъ Головатый—начальникъ пѣхоты черноморскихъ казаковъ. Въ немъ-то судьба указала мнѣ въ послѣдствіи начальника моего, руководителя моей службы и всѣхъ послѣдствій, отъ нея происшедшихъ.

Головатый, поровнявшись со мною, спросилъ что я за человѣкъ и что мнѣ надобно? Я объявилъ ему, что дворянинъ, захватъ въ чужую сторону, не имѣю ни денегъ, ни хлѣба, едва не умираю съ голода, и желалъ бы поступить въ службу. Онъ осмотрѣлъ меня—я былъ видный молодой человѣкъ, одѣтъ пристойно; спросилъ, откуда родомъ? Я отвѣчалъ: изъ мѣстечка Ирклѣва. «А, вражій сынъ,—сказалъ онъ,—ще и землякъ!»

Потомъ, поразспросивши меня и узнавши, что я человѣкъ письменный, былъ секретаремъ въ земскомъ судѣ,—сказалъ:

— «Такихъ хлопцевъ намъ треба! Обожди меня трохи, мнѣ треба повидѣться съ панами».

Черезъ два—три часа, Головатый возвратился и взялъ меня съ собою на лодку. Мы отправились къ острову близъ Браилова, гдѣ стояла черноморская флотилія изъ 50-ти или болѣе лодокъ черноморскихъ казаковъ. Тогда была война съ Турціею и въ отсутствіе Потемкина командовалъ арміею князь Репнинъ. Это было въ 17... году.

На-утро Головатый приказалъ мнѣ явиться въ канцелярію его. Я пришелъ въ канцелярію, представился управляющему канцеляріею; онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и писать. Въ канцеляріи увидѣлъ нѣсколько человекъ—казаковъ; они были въ изорванномъ, грязномъ, простомъ платьѣ. Это озадачило меня; я говорилъ, что я благородный человекъ—какъ мнѣ сидѣть и заниматься съ простыми людьми. Правитель канцеляріи, услышавъ это, сдѣлалъ мнѣ на первый разъ замѣчаніе, и сказалъ, что здѣсь все благородные люди:

— «Сей корунжій, сей сошинъ», и т. д.

Въ послѣдствіи времени, когда ближе узналъ черноморцевъ и самъ сдѣлался казакомъ, я увидѣлъ, что они не охотники щеголять и живутъ по-просту.

Объ отъѣздѣ моемъ довели Головатому, что я еще кобылдсь.

— «А, бисовъ сынъ!—сказалъ онъ,—обрати ему пшадце голову показачь; тогда онъ будетъ уже нашимъ».

Такимъ-образомъ мнѣ остригли волосы, отрѣзали длинную мою косу (тогда носили еще косы) и оставили только одну косичку на переди, называемую «чурчина»,—и я сталъ черноморцемъ, и зачисленъ казакомъ въ Васютинскій курень.

Платье мое собственное было: кафтанъ—по нынѣшнему фракъ, и плащъ. Изъ плаща велѣли мнѣ сплести казачій кафтанъ; но пока шли его, я гулялъ во фракъ—съ чурчиною. Казани, смотря на меня въ такомъ костюмѣ, говорили:

— «Се швединъ!»

— «Ни,—говорили друге,—се прусинъ!»

Для меня все равно какъ бы ни называли, лишь бы хлѣбомъ кормили; а хлѣбъ, благодареніе Богу, у меня уже былъ.

На острогѣ близъ Галаца простояли мы до осени, а на осень вышли на твердую землю при рѣкѣ Серетѣ. Здѣсь выстроили землянки. Осеннія ночи были и сыры и холодны, при томъ же были и лихорадки на людяхъ. По молодости и по непривычкѣ къ бивачной жизни, проводить такія ночи въ землянкѣ мнѣ было трудно: ни постилки, ни укрыться было нечѣмъ; но, къ счастью моему, меня зналъ провіантскій чиновникъ, завѣдывающій хлѣбными магазинами; онъ позволилъ мнѣ помѣщаться на ночь въ провіантскомъ магазинѣ и я,

подоставши одинъ куль и укрывшись дружимъ, проводить ночи не страдая отъ стужи, а сила молодости придавала самый покойный сонъ!

Когда стояли мы еще на островѣ близъ Галаца,—въ это время прѣвзжалъ для смотра черноморскихъ лодокъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, на яхтѣ, и я видѣлъ его. Съ нимъ прѣвзжала какая-то дама, которую называлъ онъ Катериною,—кажется, племянница его.

Командѣ велѣно было отправиться на зиму на островъ Березань, близъ Очакова, гдѣ былъ и кошь. Я отправился вмѣстѣ съ командою и несъ на себѣ, какъ и прочіе казаки, сухари; въ то время была еще у меня лхкорадка, я отсталъ отъ команды и пошелъ боковой дорожкой, надѣясь, если не догоню команды, ночевать гдѣ-нибудь по дорогѣ въ землянкѣ. Долго шелъ утомленный, сѣло солнце, наконецъ, и ночь; жилья никакого не было, а степь необъятная. Я остановился, помолился Богу, легъ на травѣ и укутался шинелью. Кромѣ палки, никакого другаго оружія при мнѣ не было. Проснулся, солнце уже взошло; пустился опять въ путь, не зная далеко ли еще осталось идти, и куда идти.

Вдругъ увидѣлъ ѣхавшаго по дорогѣ человѣка; спросилъ у него: далеко ли до команды конныхъ казаковъ, которые, какъ извѣстно мнѣ было, стояли недалеко, близъ Имаила. Онъ сказалъ, что будетъ версты 30, и указалъ мнѣ путь. Къ вечеру дошелъ я до куреня конной команды, явился къ куренному атаману, объявилъ, что я казакъ Васютинскаго куреня—писарь изъ канцеляріи полковника Головатаго. Меня приняли, накормили и на другой день отправили, вмѣстѣ съ казаками, на повозкѣ, до селенія Слободзеи, гдѣ явился къ начальнику—черноморскому полковнику Мокію, объяснилъ ему, что отсталъ отъ команды по болѣзни, что едва не умеръ было въ дорогѣ, совершенно ничего не помню и не знаю какъ дойти до Березани; этимъ думалъ я подвигнуть его къ состраданію и помощи мнѣ;—въ отвѣтъ получилъ, что и не такіе люди какъ я, но и лучше, пропадаютъ въ степи! Между тѣмъ меня оставили въ Слободзеѣ въ ожиданіи оказіи, когда будетъ въ Березань, и помѣстили въ одномъ куренѣ.

Слободзея—обширное селеніе на Днѣстрѣ. Тамъ жили черноморцы, молдаване, малороссіане и поляки. У полковника Головатаго былъ здѣсь домъ и семейство его; казаки, не имѣющіе здѣсь собственныхъ домовъ, жили бѣдно и во всемъ нуждались; провіантъ отпускали имъ не таковой какъ для армейскихъ полковъ, а пополамъ съ пескомъ. Изъ такой муки можно было еще ѣсть хлѣбъ тогда, когда онъ горячій, только что испеченъ; а какъ застынетъ, то и не угрызешь. Иногда ночью, когда уже спали, вдругъ слышишь зовъ: «вставайте, казаки! хлѣбы изъ печи вынули», и я вставалъ вмѣстѣ съ другими

и принимался ѣсть горяцій хлѣбъ. «Голодь не тетка!»—говорить послѣдница. Хлѣбъ не ночамъ съ пескомъ былъ мнѣ не по вкусу; нерѣдко я ходилъ по селенію и выпрашивалъ у добрыхъ людей для себя блага хлѣба; заходя въ дома молдаванъ, я замѣтилъ, что они маманши—родъ жершеи, кидаютъ подъ подушки. Случалось, что иногда, зайдя въ домъ молдаванина и не вставая въ немъ никого, голодь подвергалъ меня изкупленію и я покидалъ мамангу. Такимъ образомъ, проживши въ Слободзѣ мѣсяць, я испытывалъ крайнюю нужду и голодь.

Разъ, одинъ старшій казакъ сказалъ мнѣ:

— «А хочешь ли я накормлю тебя пшеничными галушками?»

Галушки! національная моя пища и въ моемъ тогдашнемъ положеніи?... Да это такая роскошь, о которой я и думать не смѣлъ!

— Да гдѣ же ты возьмешь муки для галушекъ? возразилъ я казаку.

— «Не твое дѣло гдѣ и какъ я добуду муки, а добуду, и галушки будутъ».

Я опять сталъ допытывать его. Тогда онъ отвѣчалъ: «Вонъ, бачъ, мельница (въ виду была вѣтряная мельница), скажу слово—она будетъ молотъ, а мука сыпаться въ курень».

И точно, казакъ сварилъ галушекъ и пригласилъ меня на великолѣпную трапезу, за которой мнѣ давно уже не случалось быть.—Славнѣе были галушки; а добылъ муку старшій казакъ, вѣроятно, тѣмъ же средствомъ, какъ добывалъ я маманги!

Въ это время жена Головатаго давала обѣдъ для всѣхъ казаковъ; на дворѣ устроены были вмѣсто столовъ доски; жена его и дочь—дѣвица лѣтъ 18-ти, сами хлопотали около стола и укладывали ложки деревянные. При столѣ поставленъ былъ чанъ съ терновымъ квасомъ; я былъ, въ числѣ прочихъ, на обѣдѣ. Выпивъ послѣ обѣда кружку тернового квасу и чувствуя жажду, я черезъ нѣсколько времени подошелъ къ чану, чтобы еще выпить.—Казакъ, который раздавалъ квасъ, замѣтилъ меня и сказалъ:

— Э, братъ, да ты въ другой разъ пьешь!

Изъ Слободзѣи отправляясь на Березань одинъ еврей-пишкаръ съ бочкою водки; онъ пригласилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ, и я радъ былъ этому случаю, чтобы не идти одному; а между тѣмъ еврей и продовольствовалъ меня въ пути, что было мнѣ весьма кстати. Въ дорогѣ пробылъ около мѣсяца и ѣхали все пустою степью, верстъ 400. Проѣзжали мимо Гаджи-Бей—нынѣшней Одессы; тамъ было только два—три десятка простыхъ избъ и съ полсотни землянокъ. Это было въ 1792 году. Что нынѣ Одесса и что ожидаетъ еще ее впереди!

Въ Березани явился я къ полковнику Мокрому, начальствовавшему находящемся здѣсь каземъ, и сказалъ, что я опредѣляюсь къ нему писаремъ. Званіе это не то что простой писарь, а было довольно почетное, замѣняющее секретаря.

Полковникъ Мокрый былъ человекъ нетрезвой жизни и безпрестанно бывалъ пьянъ. Онъ обращался со мною какъ съ простымъ казакомъ и употреблялъ во всё черныя работы. Въ воскресенье его былъ на покосѣ, онъ заставлялъ меня готовить для него обѣдъ и ужинъ, носить воду большимъ ушатомъ—ведеръ въ шесть (воду носилъ съ другимъ казакомъ), ходить за лошадыю, петь ее, чистить конюшню, и проч. На возраженіе мое, что я никогда не готовилъ кушанья и не умѣю, онъ говорилъ мнѣ:

— Ведоръ! ты казакъ, а казакъ долженъ все знать!

Правду сказать, блюда были не мудренны—борщъ да каша, но не вдругъ привыкъ готовить ихъ. Иногда такой борщъ варилъ, что только казачій желудокъ могъ переварить его; но полковникъ былъ снисходителенъ, замѣчая только иногда, что борщъ или прѣсенъ, или слишкомъ уже кисель, или недоваренъ, однако кушалъ его съ аппетитомъ.

Приближенные къ полковнику офицеры и денщики его, будучи недовольны вообще поведеніемъ его и обхожденіемъ съ ними, подстрекали и меня къ неудовольствію на него, говоря, что я кошевой писарь и въ отношеніи ко мнѣ полковникъ во зло употребляетъ власть свою; но я, по кротости характера своего, молчалъ и сносилъ все терпѣливо, безъ малѣйшаго ослушанія начальнику.

Отсюда написалъ я къ роднымъ своимъ въ Малороссію и извѣстилъ о себѣ, и получилъ письмо отъ благодѣтеля, дяди моего—Ивана Васильевича Мигрина. Онъ писалъ, что родные мои, считая меня погибшимъ, очень обрадовались, что я живъ; увѣщевалъ меня возвратиться домой, представляя, что, будучи оболъщенъ и увлеченъ такою сволочью—казаками, не могу научиться отъ нихъ ничему добруму, кромѣ воровства и разбоя, и что, заразившись ихъ примѣромъ, и самъ могу сдѣлаться такимъ же. Писалъ, что мнѣ можетъ представиться случай отправиться въ Петербургъ, гдѣ живетъ дядя мой Михайло Петровичъ Чернавскій, который поможетъ въ этомъ, и что ожидать пріѣзда изъ Петербурга въ Ирмѣевъ сесѣда нашего Грушко, который служилъ при дворѣ берейторомъ, и съ нимъ могъ бы я отправиться въ Петербургъ.

Но стыдъ, что я явился на родину простымъ казакомъ, оборваннымъ,—удержалъ меня и я положился во всемъ на волю Божию, въ надеждѣ, что вѣрная, усердная служба моя когда нибудь вознаградится.

На Березань прѣѣхалъ для свиданія со мною отецъ мой, не нарочно для свиданія, а будучи въ Херсонѣ, куда привезли для продажи гдѣсь нѣ Дибирю нѣмъ Вѣлорусскіи.

Неприличное поведеніе полковника Мокраго возстановило противъ него всѣхъ куринныхъ атамановъ; нѣкъ было до-сорока атамановъ; они съѣзжались со мною и положили написать жалобу Головатому. Составленіе жалобы поручено мнѣ, такъ какъ безпорядки по управленію нѣвѣстны были мнѣ болѣе другихъ. Жалобу поднесли однако не болѣе двадцати атамановъ. По ней Головатый потребовалъ къ себѣ для объясненія Мокраго; онъ явился къ начальнику въ нѣльномъ видѣ и нагрубилъ, за что и былъ отринутъ отъ командованія Березанскихъ конемъ.

На мѣсто Мокраго назначенъ былъ на Березань кошевнымъ атаманомъ подполковникъ Сутыка—человѣкъ дѣятельный, стрелитъ, не престоитъ.

По распоряженію правительства, предложено было снять съ Березани конь и перевести его на островъ Тамань. Отъ Головататаго предписано было мнѣ сдѣлать подробную опись строевой кошевой и казеннаго имущества: снарядовъ, провіанта и проч. Все это было мною исполнено и Головатый остался доволенъ.

Между тѣмъ послѣдовало отъ Головататаго предписаніе, чтобы меня считать по списку корунжикъ. Это—офицерское званіе; должно бы получить утвержденіе въ чинѣ отъ высочайшей власти, но тогда было какъ-то просто: по одному предписанію Головататаго я сдѣлакъ корунжикъ.

Провіантъ и нѣкоторыя кошевыя тяжести велѣно было продать и это поручено мнѣ вмѣстѣ съ провіантскимъ чиновникомъ. Покупщикъ провіанта изъ благодарности сдѣлакъ мнѣ пару клатья хорошаго сукна, и я, по крайней мѣрѣ, былъ одѣтъ прилично. Орудія артиллерійскія и порокъ перевезли въ Ениколь и на зиму конь отправили на островъ Тамань.

## II.

Перѣздъ изъ Ениколя въ Тамань—черезъ Керченскій проливъ, шириню до 30-ти верстъ; было глубокое осеннее время, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, такъ что по проливу образовывался и шелъ уже сильно ледъ. Была изготовлена лодка съ мачтою; подполковникъ Сутыка отправился вмѣстѣ со мною и еще восемь или десятью человеками. Вѣтеръ съ моря былъ очень сильный; приближался вечеръ, и лодка оказалась ненадежною; проѣхавъ немного, вѣтеръ сломилъ мачту; должно бы было воротиться назадъ, но подполковникъ былъ человекъ рѣшительный: велѣлъ кое-какъ исправить и поставить вновь мачту. Пустились далѣе, а льдины все болѣе и болѣе собирались въ огром-